

ВОЛЬТЕР — ЭТО ВОЛЬТЕР

У биографов Вольтера никогда не было трудностей в поисках материала. Напротив. Все три секретаря Вольтера — Лоншан, Коллини и Вансер — оставили воспоминания о нем. Сохранились тысячи его писем. От года к году появлялись все новые его биографии, от сравнительно кратких до изданной в конце XIX века многотомной монографии Денуартера «Вольтер и французское общество XVIII века». Возникает нужда во все новых собраниях сочинений Вольтера. Последнее, лучшее из всех, вышло в шестидесятые — семидесятые годы нашего века в небольшом английском городке Бенбери.

Вольтер говорил, что с таким багажом трудно добраться до потомства. Он оказался излишне скромным. Но с одной трудностью потомки и впрямь столкнулись. Кто был Вольтер? Поэт? Драматург? Прозаик? Философ? Историк? Популяризатор научных знаний? Общественный деятель? Все сразу. Энциклопедист? Но это слово было найдено много позже и прилагалось уже к тем, кто у Вольтера учился и с кем он не во всем был согласен. Вольтер был Вольтер. Его не определишь ни одним другим словом. Тем более что он покорила мир не только блеском и смыслом своих произведений, но и силой своей личности. Его преследовали, и он раз от раза избирал новые псевдонимы. Но его неизменно узнавали — как он, не мог сказать никто. Он брался за безнадежные дела — и выигрывал. Ибо он был первый, кто наглядно доказал давно известную истину: слово обладает такой властью над умами, что вправе потягаться с монархами, вековыми обычаями, предрассудками.

А как разнообразен и одинаков он был! Современники и потомки не раз ловили его на противоречиях — и в высказываниях, и, что хуже, в поступках. «Дьявол во плоти» называли его церковники. Но, увы, даже самые преданные люди не могли назвать его «ангелом во плоти» — и не переставали его любить. Он был способен на хитрейший обман — и оставался честен, ненавидел двор — и мечтал о придворных успехах, обогащался любыми путями — и проявлял безмерную ще-

дость, был болезнен — и полон неиссякаемой энергии. Слово «Вольтер», которым он заменил подлинную свою фамилию Аруз, определяло собой не просто конкретную личность. В нем воплотилась воля века к политической и духовной свободе. Оно прогремело по всему свету. Перед этим человеком преклонялись свободолюбцы и заискивали враги свободы, успевшие понять политическую выгоду слов «просвещенный монарх». И как легко им порой удавалось обмануть этого величайшего обманщика и проницательнейшего из людей!

Поставив в связи с двухсотлетием со дня смерти Вольтера фильм «Дьявол во плоти», кинематографисты Франции взяли на себя непростую задачу. Она осложнялась еще и тем, что Вольтер прожил долгую, до отказа заполненную событиями жизнь, соразмерную с целой эпохой. Он родился в 1694 году, и в момент смерти «короля-солнца» Людовика XIV ему был 21 год. Он умер в 1778 году, восьмидесяти четырех лет, за одиннадцать лет до Великой французской революции, которую предчувствовал и боялся и для подготовки которой он столько сделал.

Шесть пятидесятиминутных серий — не слишком ли мало для такой жизни? И это при попытке отразить как можно больше. Действительно, упомянуть удастся о многом, разрабатывать — далеко не все. Кто из зрителей (надо думать, французских тоже) догадается, например, что милая резвушка, получившая около трех минут экранного времени, это Сюзанна Ливри — первая его ученица в области драматического искусства (среди них был и великий Лекан, в фильме не упомянутый), исполнительница роли Иокасты в прославившем его «Эдипе»? А почтенная дама, оставившая мальчику Арузу тысячу ливров на книги (по всем источникам — две тысячи)? Это же знаменитая куртизанка века Людовика XIV Нинон Лекло!

Чтобы придать своему фильму емкость, режиссер Марсель Камю и сценарист Клод Брюле пошли по стопам Ренато Каstellани, который в 1971 году снял для итальянского телеви-

дения по собственному сценарию фильм о Леонардо да Винчи, показанный и у нас. Рядом с Леонардо там появлялся комментатор. Но авторы фильма о Вольтере усложнили прием. Комментаторами первых серий выступают сразу Бомарше, работающий над собранием сочинений Вольтера, и старый Вольтер, позирующий Гудону. Надо сказать, что в первых сериях зритель замечает только издержки этого метода, что, впрочем, несколько компенсируется введениями Г. Капралова. Действие, и без того калейдоскопичное, прерывается слишком часто. Правда, во второй серии старый Вольтер присутствует больше в качестве «голоса за кадром», но настоящий перелом наступает лишь в третьей серии. Здесь комментаторы, прежде во всем между собой согласные, вступают в спор, и прием начинает себя оправдывать — отныне он помогает придать фильму должную многоплановость.

Третья серия вообще переломная. Зритель привык к принятой манере повествования, действие четче выстроено, персонажи уже не мелькают перед нами — каждому из них отведено достаточно экранного времени. В этой серии сохранилось и то, что составляло достоинство предыдущих, — достоверность быта и нравов, ощущение атмосферы эпохи. Правда, во второй серии сталкиваешься с досадной несообразностью, заставляющей подумать, что Вольтер посетил Лондон не в XVIII веке, а в XIX, — мы видим его на набережной Темзы на фоне здания парламента и башни с Биг-Беном, построенных почти столет спустя. Но простим это оператору... Во второй серии легко прощаешь авторам и то, что из жизни Вольтера (точнее, из фильма о нем) исчез лорд Болингброк — давний друг писателя, человек, рекомендательные письма которого и ввел изгнанника в высшее английское общество. Как ни обидна эта жертва, она по-своему плодотворна — это подступы к той потребности концентрировать действие, которая проявит себя по-настоящему в третьей серии. Здесь есть единый сюжет — борьба Эмилии Шатле

против влияния Фридриха. Горькие слова, услышанные от нее Вольтером, оправдываются очень скоро — ведь сразу после ее смерти Вольтер уедет в Потсдам.

И вот с четвертой серии перед нами словно бы другой фильм. Хорошо подготовленный предыдущими сериями, прежде всего третьей, но другой. Качественно другой. Цельный, исполненный драматического напряжения, столкновений характеров, хорошо обоснованных сюжетных перипетий.

«Прусские несчастья» называется эта часть. Она сильна и объединяющей идеей — именно здесь происходит реальное знакомство Вольтера с превозносимой в его сочинениях «просвещенной монархией». Вряд ли эта часть могла бы настолько удалась без Андре Виларди в роли Фридриха. Его герой — личность одаренная и отвратительная, полная человеческих слабостей и волевая, соединяющая прихоти и расчет. Прусский король обрисован актером четко, резко, беспощадно — и нигде не окариатурен. В этом у Андре Виларди нет нужды — он все необходимое может сказать, выводя социальную суть образа. С этим-то партнером и обнаруживает полностью свои возможности Дени Манюэль, играющий «молодого Вольтера». Он сыграл своего героя достаточно нелицеприятно (преследование в Пруссии не принадлежит к лучшим страницам биографии Вольтера), и все равно зритель ни на минуту не забывает, что перед ним великий человек.

Работа Манюэля превосходна, но расставание его со зрителем можно назвать триумфальным. Да, это расставание. Со следующей серии Вольтера играет уже Клод Дофен — тот, что ранее выступал в роли Вольтера-комментатора. Но этот переход от одного актера к другому сделан так тонко, а общая концепция образа выдержана столь точно, что эту замену и замечаешь как-то не сразу.

Пятая серия посвящена самому славному периоду жизни Вольтера — его жизни в Ферне, обширнейшем поместье, превращенном им в своеобразное «идеальное государство»

XVIII века. Отчаявшись найти «просвещенного монарха», Вольтер постарался сам им стать для тысячи двухсот крестьян и ремесленников. Он теперь «фернейский патриарх», почитаемый всей Европой. Но серия носит иное название — «Казненный в Тулузе». Ибо Вольтер продолжает борьбу — на сей раз за реабилитацию колесованного религиозными фанатиками Жана Каласа. И добивается своего — впервые в истории французского правосудия! Как смел Фридрих назвать Вольтера «мелкой душкой»? Теперь мы на каждом шагу обнаруживаем не только остроту вольтеровского ума, но и его поразительную способность принимать к сердцу чужие несчастья. Его ужас при вести о лиссабонском землетрясении так велик, словно на его глазах погибла каждая из сорока тысяч жертв этой невиданной катастрофы. Борьба за доброе имя Каласа — это не только часть его давней борьбы с церковью, но и непреодолимый порыв души. В жизни фернейского дома было много занятого, так и просившегося на экран. Почти все это опущено. Ферне было местом паломничества. Ни одного из этих паломников мы не увидим, только услышим о них. Авторам важно сейчас другое — показать Вольтера как философа и общественного деятеля. И вот Вольтер читает с экрана свою знаменитую «Проповедь о терпимости». Она обращена к людям, собравшимся вокруг него, но действительные слушатели — мы. Слушатели, полные восхищения. Потому что эти прекрасные слова говорят нам человек, доказавший делом свою величайшую нетерпимость к злу.

Нам нелегко будет расставаться с этим человеком в серии «Умереть в Париже». Ведь Вольтер, уходящий из жизни, здесь до конца человечен. Его парижские дни были полны невиданных триумфов. Но о них только упоминается. Да, мир расстается с одним из величайших своих гениев. Но разве не важнее показать, как старый, замученный, окруженный побальзаковски обрисованными хищниками человек уходит из жизни...

Фильм о Вольтере приобрел миллионы людей к этой необыкновенной судьбе.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ,
профессор, доктор
философских наук.

Соб. кукла, 1984, 2авт.